

Символ безопасности: образ власти в немецких иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648)

Аннотация: В статье анализируются представления о власти, сформировавшиеся в Священной Римской империи германской нации под влиянием Тридцатилетней войны (1618-1648). Содержательное наполнение понятия «власть» было достаточно полно сформулировано немецкими публицистами в повседневной литературе Тридцатилетней войны. Характерной особенностью немецкой публицистики этого времени стала визуализация представлений о власти, благодаря которой можно проследить процесс формирования властных стереотипов. Главным новшеством понимания власти под влиянием войны стало расширение функций власти, среди которых первое место начинает занимать проблема обеспечения безопасности подданных.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, власть, имагология, семантика, Священная Римская империя, безопасность

УДК 94(430).041

Abstract: The article analyzes the image of the power that was formed in the Holy Roman Empire under the impact of the Thirty Years' War (1618-1648). The concept of the power was sufficiently formulated by German publicists in the everyday literature of the Thirty Years' War. A specific feature of German publicists of that time was the visualization of ideas about power, thanks to which it is now possible to trace the process of the formation of those stereotypes. The main innovation in the understanding of the power under the impact of the war was the expansion of the functions of power. Among those functions it is the problem of ensuring the security of the citizens that begins to occupy the first place.

Keywords: Thirty Years' War, Power, Authority, Imagology, Semantics, Holy Roman Empire, Security

Функции визуального в вопросах, связанных с передачей информации в обществе уже многие десятилетия не перестают волновать ученых. Тот факт, что визуальная культура и коммуникация находятся в неразрывной связи, неоднократно подчеркивался как в отечественной, так и в зарубежной науке¹. Проблема собственно «прочтения» изображения даже начинает уже отходить на второй план:

* *Лазарева Арина Владимировна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: unimoskau@yandex.ru)

¹ Из работ, задавших тон общей дискуссии в первую очередь следует отметить работы Ролана Барта. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1989. В отечественной историографии схожие темы поднимались многими исследователями, в частности Ю.М. Лотманом. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2001.

как правило, любая картинка, будь то рекламное изображение или политический плакат, сопровождается текстом, который, выражаясь словами Ролана Барта «играет репрессивную роль», диктуя свой взгляд на увиденное². Однако подобная взаимосвязь визуального образа и текста является достижением скорее новейшего времени. Ранние общества, в которых процент грамотности едва ли превышал 2-3%, не могли рассчитывать на читателя, апеллируя в первую очередь к зрителю. Именно зритель был основным потребителем первой печатной продукции, которая начала формировать единое коммуникативное пространство Европы, поэтому функции изображений на ранних этапах развития коммуникации невозможно переоценить. При этом речь идет, безусловно, о полисемичности любого изображения, которая заставляет поставить вопрос о его смысле в контексте конкретной культуры. Многогранность смыслов изображений проявлялась в различных аспектах, и, пожалуй, наиболее четко видна при визуализации абстрактных понятий – феномене, без которого невозможно представить себе первые иллюстрированные печатные издания XV-XVII вв. Эти издания сыграли одну из ключевых ролей как в формировании единого коммуникативного пространства, так и в появлении различных культурных стереотипов, без которых невозможно представить себе позднейшие эпохи.

Как широко известно, расцвет печатной продукции начинается в раннее Новое время, а XVI-XVII вв. по праву можно назвать «печатной революцией»³, в которой одну из ведущих функций играли иллюстрированные листовки – издания, заполнившие Европу в раннее Новое время и ставшие одним из излюбленных товаров на многочисленных ярмарках. Спрос на листовки определялся ее внешним видом: в отличие от многостраничных памфлетов, рассчитанных лишь на тех, кто умел читать, иллюстрированная листовка отличалась, во-первых, форматом (односторонний лист примерно 30x50 см), во-вторых, доступностью изложения (текст был расположен компактно, как правило, в стихотворной форме, с частым использованием бытовавших в народе стихов), а, в-третьих, что имеет первостепенное значение, большую часть листовки занимала картинка-гравюра. Именно это изображение ставило листовку в ряд ходовой продукции, которую покупали не только те, кто умел читать, но, в большинстве своем, те, кто не обладал такими навыками.

Среди европейских стран, ставших лидерами в производстве печатной продукции, одно из первых мест занимала Священная Римская империя германской нации. Немецкие публицисты и граверы остро реагировали на актуальные политические события, что стало одной из характерных особенностей германских изданий – бурная политическая история XVI-XVII вв. получила в буквальном смысле слова наглядное отображение в немецких иллюстрированных листовках раннего Нового времени. Другой характерной особенностью стало обращение к визуальному представлению феноменов окружающего мира и его различных составляющих. Свое визуальное воплощение получил целый ряд морально-

² Барт Р. Указ. соч. С. 306.

³ Würigler A. Medien in der Frühen Neuzeit. München, 2013. S. 32-33.

нравственных категорий, таких как справедливость, благочестие, доблесть⁴. Их изображения постепенно превращались в стереотипы с характерными атрибутами, благодаря которым изображение делалось легко узнаваемым. Однако не только категории нравственной сферы получили в раннее Новое время характерные визуальные воплощения. В не меньшей, а порой даже в большей степени, авторов иллюстрированных листовок занимали вопросы, связанные с политикой. Так в XVII в. под влиянием Тридцатилетней войны (1618-1648) появились характерные изображения войны и мира⁵. Именно в это же время в публицистике начинает появляться и закрепляться еще один из важнейших визуальных политических образов – образ власти, одной из ключевых категорий для общества⁶. Еще Ю. М. Лотман в своей монографии «Семиосфера» подчеркивал социальную активность искусства, утверждая, что «знаки, применяемые художниками, обладают многими чрезвычайно ценными общественными свойствами. ... произведения искусства представляют собой чрезвычайно экономные, емкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации»⁷. Таким образом, *изображение* власти на иллюстрированных листовках Священной Римской империи включает в себе большой потенциал отображения различных культурно-политических практик раннего Нового времени. Художники эпохи Тридцатилетней войны в своих изображениях, безусловно, претворяли в жизнь те расхожие идеи и представления, которые современники вкладывали в понятие власти.

Представления немцев раннего Нового времени о содержательном наполнении термина «власть» во многом отличается от современного. В немецком языке термин «власть» передается двумя основными существительными – «die Macht», «die Gewalt», при этом если первое, согласно расхожему определению М. Вебера, скорее подразумевает «господство, характеризующееся определенным минимумом желания подчиняться, а именно: внешними или внутренними интересами повиновения»⁸, то второе неразрывно связано с применением принуждения для достижения цели⁹. В раннее Новое время оба эти понятия переплетались, не учитывая жесткие грани современных интерпретаций. Многочисленные энциклопедии конца XVI-первой половины XVII вв. зафиксировали основные составляющие и характеристики «власти»¹⁰. Авторы использовали латинские термины «potestas» и

⁴ См. каталоги изданных иллюстрированных листовок В. Хармса (Deutsche illustrierte Flugblätter XVI.-XVII. Jahrhunderts. Hrgs. von W. Harms. Bd. 1-4. München, Tübingen. 1980-1985), Д.Александр (The German Single-Leaf Woodcut: 1600-1700. Ed. by D. Alexander. London, 1977), и др.

⁵ Подробнее см.: Лазарева А.В. «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) в немецкой публицистике XVII века // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2014, №1; Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Hrgs. von K. Garber und J. Held. Bd. 1-2. München, 2001.

⁶ Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Hrgs. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart 1972–1997. Bd.3. S. 817.

⁷ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб, 2001. С. 9-10.

⁸ Вебер М. Хозяйство и общество. / Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 21.

⁹ Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 3. S. 817.

¹⁰ Практически все энциклопедии располагают статьей и даже целым рядом статей на тему potestas. См. Altstedt J.H. Encyclopaedia Cursus Philosophici. 1630; Faber B. Thesaurus Eruditionis Scholasticae. Lipsia, 1654; Beyerlinck L. Magnum Theatrum Vitae Humanae: Hoc Est, Rerum Divinarum, Humanarumque Syntagma Catholicum, Philosophicum, Historicum,

«potentia», благодаря которым понятийный аппарат «власти» в основных чертах базировался на античной традиции понимания господства, с одной стороны, а с другой учитывал немецкие реалии с постоянной борьбой между князьями и императором¹¹. Так, например, согласно широко известной и неоднократно переиздававшейся в XVII в. энциклопедии Б. Фабера значение слова *potestas* следует объяснять следующим образом: «Potestas i.e. Magistratus. Quae vocis acceptio adhuc in Idiotismo Italico obtinet : quo qui praefecti urbibus cum imperio sunt, Potesta apellantur. (Suet. Caesare. Cap. XVII). Potestas tibi est serbandi illum – у тебя есть сила (власть) удержать его. Liberius bibendi (?) potestas fuit – у него есть власть (сила) жить на свободе. Potestas catua est – это в твоей власти (Cic.) Potestatem dare, facere, permittere – давать власть»¹². Есть в энциклопедиях и термин «potentatus», обозначающий «высшую власть» (*die obere Gewalt*)¹³. Фабер приводит этот перевод со ссылкой на цитату из Цезаря «О Галльской войне»: *de potentatu inter se multos annos contendere* (Caes. Lib. I)¹⁴, а термин *potens* означает у него «сильный» (*mächtig*) и «властный» (*gewaltig*)¹⁵. Большинство авторов энциклопедий, как правило, старались передать различные смыслы, вкладывавшиеся предыдущими поколениями в понятие «власти». Зачастую, «власть» в значении «господство» соседствовала, например, с имущественными представлениями, унаследованными из римского права¹⁶. Однако в энциклопедиях XVII в. в полной мере отразился главный семантический признак власти: власть равно сила¹⁷. Именно она позволяет, например, расширить свои территории (*In potestatem suam alios redigere* – распространить свою власть на кого-либо (Cic., Philipp.) – приводит пример Фабер)¹⁸.

Средневековая традиция и ее глубокая христианская философия привнесли в понятие «власти» важные морально-этические черты, не только сохранившиеся, но и укрепившиеся в раннее Новое время – власть теперь понималась как форпост справедливости. Власть априори должна была быть «справедливой» (*rechter Gewalt*), а одной из ее главных задач, таким образом, становилась борьба со злом. В многотомной энциклопедии Л. Бейерлинка начала XVII в. есть достаточно пространственные рассуждения о «хорошей власти» (*potestas bona*), которая должна была распространять свою мощь на различные земли, неся, таким образом, справедливое правление в мир¹⁹. С другой стороны, Бейерлинк в качестве антитезы «хорошей власти», приводит перечень пороков правителей, среди

Et Dogmaticum: Ad normam Polyanthae universalis dispositum [...] - Lugduni : Sumptibus Ioh. Ant. Huguetan, & Marci Ant. Ravaud, 1656; Micraelis J. Lexicon Philosophicum. Stettin, 1661.

¹¹ Geschichtliche Grudbegriffe. Bd. 3. S. 818.

¹² Faber B. Op. cit. P. 1346.

¹³ Ibid. P. 1345. Здесь и далее немецкие эквиваленты даны по параллельному немецкому переводу.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Beyerlinck L. Op. cit. Bd. 5. P.554.

¹⁷ Силе, в свою очередь, противостоят бессилие или слабость «impotentia», die Schwachheit. Faber B. Op.cit. P. 1346.

¹⁸ Ibidem. Cp. Beyerlinck B. Op. cit. P. 552.

¹⁹ Beyerlinck B. Op.cit. Bd. 5. P.552-556.

которых перечислены жестокость, злоба, глупость²⁰. Моральная константа власти в раннее Новое время ставилась на одно из первых мест в семантике этого понятия.

Представления о необходимости установления справедливого миропорядка приводили авторов XVII в. к еще одной важной взаимосвязи: тема власти часто соседствовала с темой войны. Фабер, истолковывая термин, пишет: «люди сражаются из-за своей власти»²¹. Речь идет о специфическом восприятии войны как таковой в раннее Новое время и представлений о *bellum iustum*, т.е. справедливой войне, необходимой для торжества Божественного замысла²². Тридцатилетняя война (1618-1648) в значительной мере укрепила для немецких авторов взаимосвязь между войной и властью, дав этой тематике новый импульс и открыв свежие грани ее семантического наполнения.

Тридцатилетняя война, разрушая в немецком обществе привычные ориентиры, превратила жизнь, по утверждению очевидцев, в настоящий Апокалипсис²³. Не смотря на неизбежность конца Света, современники старались найти в земной жизни опору, которая могла бы защитить от надвигающейся катастрофы. Такой опорой виделась светская власть с ее представлениями о справедливости и порядке. Именно обращение к власти, как источнику прекращения хаоса, стало одной из характерных особенностей немецкой публицистики военного периода. Другой важной семантической характеристикой представлений о власти в эпоху Тридцатилетней войны стала ее связь с категорией «безопасности». Этот термин появляется в источниках как неотъемлемая категория общественного дискурса лишь на рубеже XVI-XVII вв.²⁴ Рушившийся в эпоху Тридцатилетней войны миропорядок заставлял современников делить пространство на «опасное» - более непригодное для жизни - и «безопасное», главной отличительной чертой которого была сильная власть, способная ограждать от ватаг наемников. Если рассматривать Тридцатилетнюю войну как войну за становление или укрепление в Центральной Европе централизованных государств²⁵, то здесь на первый план проступает отход от универсальных идей, характерный для Тридцатилетней войны, на смену которым как раз и приходит понятие «безопасности» - ключевой категории централизованного государства Нового времени²⁶. Восприятие современниками власти как единственной силы, способной

²⁰ Ibid. P. 551-552.

²¹ Faber B. Op. cit. P. 1345.

²² Geschichtliche Grundbegriffe. Подробнее о «справедливой войне» в немецкой публицистике XVII в. см.: Лазарева А.В. «Дочь греха». С. 44.

²³ Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hrsg. von H. Jessen. Berlin, 1984. S. 37.

²⁴ Kampmann Ch. Sicherheit in der Frühen Neuzeit – zur Einführung. / Sicherheit in der Frühen Neuzeit. Hrsg. von Ch. Kampmann und U. Niggemann. München. 2013. S. 15.

²⁵ Для современной зарубежной историографии эта тема представляется уже исчерпанной, что нельзя сказать об отечественных исследованиях. Ср. Burchard Jh. Der Dreißigjähriger Krieg. München, 1992; Ю.Е.Ивонин, Л.И. Ивонина (ред.) Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618-1648) в событиях и коллективной памяти Европы. М., 2016. Некоторые авторы этой коллективной монографии по-прежнему достаточно однозначно рассматривают Тридцатилетнюю войну как войну сугубо религиозную.

²⁶ Подробнее о термине «безопасность» в Новое время см.: Schorn-Schütte L. Sicherheit als Begriff und Phänomen in der Europäischen Frühen Neuzeit / Sicherheit in der Frühen Neuzeit... S. 35.

обеспечивать безопасное, «надежное» существование широко отразилось в публицистике первой половины-середины XVII в.

«Власть» в источниках эпохи Тридцатилетней войны представлена как эксплицитно, так и имплицитно. Особенно удачное сочетание между визуализацией понятия и ее текстуальным содержательным наполнением дают иллюстрированные листовки. На них, чаще в аллегорической форме, запечатлены основные акторы власти: император, князья и курфюрсты, геральдические животные – олицетворение венценосных домов, а также изображен полный спектр атрибутики власти – короны, державы, скипетры, троны. Авторы текстов листовок иногда в стихотворной, иногда в прозаической форме высказывали свой взгляд на власть и ее функции во время Тридцатилетней войны. Самыми излюбленными представителями власти были, безусловно, император, курфюрст Пфальца Фридрих V и шведский король Густав II Адольф. В разные периоды войны определенной популярностью пользовались также курфюрст Баварии Максимилиан I и курфюрст Саксонии Иоганн Георг I. Изображения всех этих представителей власти можно условно разделить на «реалистичные» и аллегорические.

«Реалистичные» изображения власть имущих на листовках эпохи Тридцатилетней войны нашли свое широкое воплощение в целом цикле листовок, с портретной точностью пытавшихся изобразить императоров Фердинанда II, Фердинанда III, Пфальцкого курфюрста Фридриха V, шведского короля Густава II Адольфа. Появление таких изображений напрямую было связано с этапами Тридцатилетней войны. Так, если для ее начала (1618-1621) наиболее частыми стали сюжеты, связанные с противостоянием Фердинанда II и Фридриха V²⁷, то 1630-е гг. ярко показывают борьбу императора со Швецией²⁸.

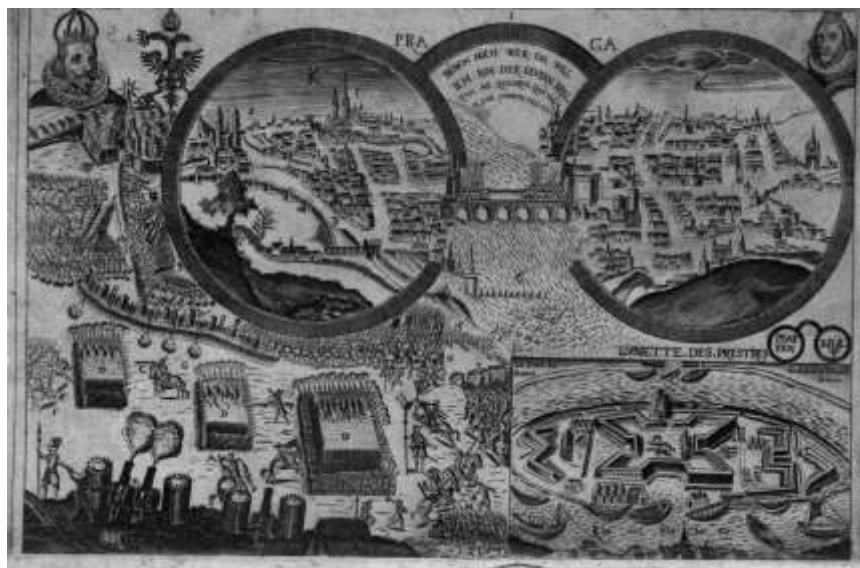
*Илл.1. Император Фердинанд II Габсбург.
(Художник Юлиус Зустерманн. 1624)*

*Илл.2. Курфюрст Пфальца Фридрих V.
(Художник Михиль ван Миревельд. 1625)*

²⁷ См. 4-х томный каталог листовок из библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле, изданный В. Хармсом (Deutsche illustrierte Flugblätter XVI.-XVII. Jahrhunderts. Hrsg. von W. Harms. Bd. 1-4. München, Tübingen. 1980-1985, далее - DIF)

²⁸ Большая коллекция подобных листовок сохранилась в Баварской государственной библиотеке.

Илл.3. Parallela/ Deß grossen und kleinen Brills/ in Böhmen undd auff dem Rhein. DIF, Bd. IV. S. 157.

Как правило тексты листовок из этой серии наглядно отражают полемику между католиками, протестантами и кальвинистами. Каждая из враждующих сторон старалась представить свою точку зрения на происходившие события²⁹. Примечательно, что, не смотря на полную противоположность подходов, и католические, и протестантские авторы дают весьма единодушную оценку поведения власть имущих в сложившейся ситуации. Католические листовки единодушно превозносят действия императора, а его политику жесткой рекатолизации в Богемии считают последствием «злых советов» (речь идет о иезуитах), что и спровоцировало чешское восстание и начавшуюся войну³⁰. Протестантами неповиновение Фридриха V императору и провозглашение его королем Богемии также воспринимается как следствие дурных советов, которые курфюрст получал от своих союзников из других стран – от Англии (Фридрих был зятем английского короля Карла I) и из Голландии³¹. Такой взгляд стал преобладать в протестантской публицистике после сокрушительного поражения Фридриха в битве при Белой горе 1621 г. Таким образом, верховный правитель сам по себе всегда представлялся правым, то, что повергало страну в хаос войны было, в свою очередь, порождением неправильной и иногда злонамеренной политики верховных сановников и приближенных. Образ императора идеализировался. Даже слабый, по распространенному мнению историков³², император Маттиас, в иллюстрированных листовках наделялся благородными и необходимыми правителю качествами. Он борется за восстановление справедливости и привычного (т.е. *правильного*) порядка вещей: «Вы еще

²⁹ Существует точка зрения, что авторы текстов и граверы специально финансировались Католической Лигой или Протестантской Унией, и выражали не столько свои пристрастия, сколько видение заказчика. Обзор историографической полемики по этому поводу исчерпывающе представлен в кн. Pfeffer M. Flugschriften zum Dreißigjährigen Krieg: Aus der Häberlin-Sammlung der Thurn- und Taxisschen Bibliothek. Frankfurt am Main, 1993. S. 19-20.

³⁰ Ursachen vnd Vrsprung alles Jammers und Elenchts. 1622-1623 / DIF, Bd. IV. S. 185.

³¹ Parallela / Deß grossen vnnnd kleinen Brills. 1621-1622. / DIF, Bd. IV. S. 157.

³² Пресс Ф. Маттиас / Кайзеры. Ред. А. Шиллинг, В. Циглер. Ростов-на-Дону, 1997.

не слыхивали / Как был разрушен мир / В Богемии, Венгерских землях / И в Австрии. / Бюргеры восстали / Крестьяне бросили плуг / Этим уничтожили / Сердечность, изобилие, / Силу, власть и величие <...> / Император МАТТИАС (выделено в тексте – А.Л.) / <...>Противостоит этим невзгодам <...> / Император собрал / И повел на битву / Тысячи людей / Смело (курсив мой – А.Л.) атаковал своего врага / Под Прагой»³³.

Во время Тридцатилетней войны вторжение иностранных войск практически единодушно воспринималось публицистами как всеобщая трагедия, «гибель Германии»³⁴. Однако существовало одно исключение – речь идет о протестантской публицистике и ее восприятию шведского короля Густава II Адольфа, которого авторы наделили чертами идеального правителя: «Он кругом окружен / благородными добродетелями <...> Он несет мир и справедливость / Такое сияние и силу / не найти нигде более / Он великодушен / молниеносен / воинственен / заботлив»³⁵.

*Илл.4. Königlicher Majestät zu Schweden/ etc. von Gott zugeordnete Englische Wagenburg
BSB München, Einbl. V,8 a-75, 1632*

Густав Адольф появляется в немецкой протестантской публицистике как сказочный герой, который плывет на своем корабле: «В немецких землях и империи / подул хороший ветер / с севера / он принес с собой героя / равного которому еще никогда не было в мире»³⁶. Тема героя, борца за справедливость, который наведет порядок и прекратит войну была одной из любимых в немецкой

³³ Ursachen... S. 185.

³⁴ Подробнее об этом см.: Лазарева А.В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) // Вопросы истории. 2013, № 2.

³⁵ Der betregnten Christenheit CONSOLATION: Vnd ... REPARATION / DIF, Bd. IV. S. 259.

³⁶ Ibidem.

публицистике времен Тридцатилетней войны³⁷. Такой герой после совершенных им подвигов получал бразды правления, устанавливал «добрые» законы и правил, опираясь на мудрых советников. Здесь отражаются и христианские представления о справедливом правлении, и надежды на власть, защищающую и заботящуюся о своих подданных.

Илл.5. Schwedischer Zug Das ist: Guter Anfang zu der instehenden Göttlichen Hülffe und Exempel der rechten Buß. BSB München, Einbl. V,8 a-78, 1632

В образе Густава Адольфа проступает еще одна важная черта, подчеркивающая его идеальность – он спасает сирых и убогих, одним из главных предметов его забот является помощь слабым. «И вот этот *щедрый* (курсив мой – А.Л.) герой / заметил страдающую женщину / которая бедствовала под гнетом тирании / и несправедливости / он освободил ее от тягот / и поцеловал»³⁸. Мотив защиты женщин, и часто детей, считается классическим приемом идеализации, т.к. с его помощью как бы раскрываются лучшие душевные качества человека³⁹. Таким образом идея прямой взаимосвязи власти и защиты во время войны начинает постепенно ставится современниками на первое место⁴⁰.

Однако чаяния населения чаще разбивались о военный хаос. Война приобретала все более brutальный характер. Начало 1630-х гг. ознаменовалось сильнейшим голодом и чумой. «Кроме страшного голода и подорожания, к нам пришло бедствие из всех бедствий – чума. Многие тысячи

³⁷ Ср. Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус (разные издания). Легенда о «немецком герое». Книга III, глава 4.

³⁸ Der betrenghen Christenheit CONSOLATION... S. 259.

³⁹ Ср.: для брутализации противника и создания образа врага авторы, наоборот, подчеркивали их жестокость по отношению к женщинам и детям. Так, например, об испанцах, пришедших в немецкие княжества в начале Тридцатилетней войны, с ужасом рассказывали, как они пытаются детей, отрезая им уши и носы (Liebfried Ch. An ganz Teutschland, von Deß Spaniers Tyranny, welche er ohn unterscheidt der Religion auch an den aller Unschuldigsten verübt. 1620. (Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 4986)) В научной литературе этот сюжет рассматривался не раз. Подробнее см.: Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft: Eine ikonologische Untersuchung zu Feindbildern in Karikaturen. Aachen, 1998.

⁴⁰ Tischer A. Sicherheit in Krieg und Frieden / Sicherheit in der Frühen Neuzeit. S. 85.

человек умерли от голода, войны и чумы. Из-за голода над телами этих умерших сотворили мерзкие и отвратительные действия, их части были съедены. Кроме этого произошли и другие осквернения: ели собак, кошек, мышей и павшую скотину, при этом считая такую еду деликатесом <...> Только в Ульме с начала 1635 г. умерло 15000 человек. Каждый день умирает по 150, 160, 170 человек. Разве это не бедствие? Я думаю, что это бедствие из бедствий, о котором я знаю не по слухам, а видел все это своими собственными глазами и слышал своими собственными ушами», - писал известный ульмский хронист Г. Геберле⁴¹. Меры правительства по оказанию помощи в голодные и чумные годы не давали никаких результатов⁴². Поскольку власть не оправдывала надежды подданных, авторы иллюстрированных листовок обрушивались на власть имущих с жестокой сатирой. По мнению многих исследователей, сатира выполняла в данном случае роль своеобразного буфера⁴³: надежды населения на защиту со стороны властей рушились, и в сатирической манере публицисты выказывали свое разочарование, пытались давать советы, или же просто негодовали и сетовали. Таким образом, сатирические изображения, связанные с темой власти, как бы «от противного» показывают какой подданные хотят видеть идеальную власть, что именно от нее ждут. Безусловно, многочисленные рассуждения о необходимости защиты подданных со стороны власти были следствием поисков современниками безопасности, прекращения войны.

Гораздо большим потенциалом для создания образа власти в эпоху Тридцатилетней войны по сравнению с «реалистическими» сюжетами обладают аллегорические изображения. По мнению немецкого историка искусства А. Таке тот факт, что «все художники были вовлечены в мир Тридцатилетней войны сегодня не требует специальных доказательств. <...> Практически все их произведения были наполнены топосами»⁴⁴, легко понимаемыми современниками. Аллегория пользовалась большим спросом⁴⁵. На ней герои изображались иногда в более или менее реалистичных обстоятельствах⁴⁶, но чаще представляли в вымышленных ситуациях, подобных своеобразным басням,

⁴¹ Heberle H. Zeytregister (1618-1672) / Der Dreißigjährige Krieg in zeitgenössischer Darstellung. Hrgs. von G. Zillhardt. Stuttgart, 1975. S. 161-162.

⁴² Так, например, Максимилиан Баварский неоднократно в 1625-1635 гг. издавал постановления, адресованные городским властям Баварии, в которых предписывал оказывать нуждающимся и заболевшим «посильную помощь» (Подробнее см.: Maximilian <I., Bayern, Kurfürst>: Von Gottes Gnaden, Wir Maximilian, Pfaltzgraf bey Rhein, Hertzog in obern vnd nidern Bayrn, [et]c. Deß H: Röm: Reichs ErtzTrucksäß vnd Churfürst. Embieten allen vnd jeden vnsern LandtHofmaistern, HofrathsPraesidenten, Vitzthomben, Hauptleuthen ... vnsern Gruß vnd Gnad zuvor, vnd fügen denselben zuwissen, nach dem sich die Sterbläuß, vnd fürnem[m]lich die erschrocklich abschewlich Sucht der Pestilentz, an vilen orthen im Heil: Reich, ohne zweifel von Gott dem Allmächtigen ... geschickte Straff erzaigt vnd eingerissen. 1634. Bayerische Staatsbibliothek München. http://daten.digital-sammlungen.de/bsb00102689/image_1)

⁴³ Pfeffer M. Op.cit. S. 19; Harms W. Deutsche illustrierte Flugblätter, Bd. I, S. XIV; Schilling M. Allegorie und Satire auf illustrierten Flugblättern des Barock. / Formen und Funktionen der Allegorie. Symposium Wolfenbüttel 1978. Hg. von W. Haug. Stuttgart, 1979. S. 406.

⁴⁴ Таке А. Der Künstler über sich selbst / Erfahrung und Deutung von Krieg und Frieden: Religion - Geschlechter - Natur und Kultur / Hrsg. von Klaus Garber. München, 2001. S. 1005-1009.

⁴⁵ Подробнее см. Schilling M. Op.cit. S. 406-410.

⁴⁶ Удачное сочетание аллегии и реальности представляют листовки, изображающие покорение Густавом Адольфом немецких территорий. Если шведский король предстает в образе льва, то немецкие военачальники и бургомистры, сдающие

каждая из которых как на уровне изображения, так и на уровне текста содержала определенную мораль. Не смотря на тезис историка Тридцатилетней войны Э. Ромера о том, что листовки, классифицированные им в одну группу с памфлетами и газетами, старались дать как можно более сухую, объективную картину войны⁴⁷, следует заметить, что иллюстрированные листовки благодаря своим ярко выраженным художественным особенностям по своим источниковедческим характеристикам скорее гораздо ближе стоят к произведениям художественного творчества и несут на себе четкий отпечаток личности автора и его личных представлений об окружающем мире, переработанном методами художественного восприятия действительности. Аллегорические изображения, таким образом, являются тому красочным подтверждением. Визуальные аллегории четко расставляли акценты на значимых для понимания власти символах. Они представили целый мир атрибутов и артефактов, которые превращались для современников в стереотипы власти, а текст, объясняющий иллюстрацию, закреплял эти представления.

Аллегии власти начали активно появляться на иллюстрированных листовках в первые военные годы. Уже в них вырисовался комплекс понятий, ставших на протяжении войны традиционным для изображения власти. На основе анализа иллюстрированных листовок Тридцатилетней войны, можно составить таблицу наиболее часто встречающихся символов и атрибутов, имеющих отношение к представлениям о власти и тех характеристик (качеств), которые авторы приписывали власти имущим. Удобным ключом к раскрытию символично-аллегорического смысла этих символов является трехчастная схема «отправитель – сигнал – получатель», разработанная в рамках теории информации и ее передачи, предложенной английскими учеными К.Шэнноном и У.Вивером в конце 1990-х гг.⁴⁸

символ	героизм	воинственность	набожность	защита	справедливость	сила
орел / орел двугл.	X	X	X	X	X	X
лев	X	X	X	X	X	X
герб				X		X
меч	X	X	X	X	X	X
щит	X	X		X	X	X

ему ключи от покоренных городов, изображены в реалистичной манере. (Nun Folgen nach dem Leipzigerischen Confect. 1631/ DIF, IV. S. 234).

⁴⁷ Rohmer E. Den Krieg als 'ein anderer Vergil' sehen. Literatur und Alltagsbewältigung bei Wolfgang Helmhart von Hohberg/ Erfahrung und Deutung von Krieg und Frieden. S. 1045.

⁴⁸ Подробнее об этом и о дискуссии в историографии на эту тему см. Mauelshagen F. Was ist glaubwürdig? /Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit (1450-1700). Hrgs. von W. Harms, A. Messerli. Basel, 2002. S. 309-338.

алебарда/ пика	X	X		X		X
пальмовая ветвь			X	X		X
скипетр и державка			X	X		X
сжатые руки			X	X		X
корона			X	X		X
дуб	X	X		X		X

Перечисленные в таблице символы и атрибуты содержат смысл, который, как правило, расшифровывается в тексте листовок. Публицисты упоминали различные предметы в таких описаниях, из которых явно видна связь между атрибутом и характерными чертами власти. Несмотря на то, что любая аллегория раннего Нового времени являлась многоуровневой и сегодня, по наблюдению немецкого ученого, знатока иллюстрированной публицистики XVII в. Михаэля Шиллинга, имеет разные варианты интерпретаций⁴⁹, публицисты в своих текстах давали ключи к разгадкам изображений. В целом, большинство аллегорических сюжетов, представленных на иллюстрированных листовках имеют светский характер. Как правило на них представлены отдельные особо запомнившиеся современникам этапы войны и ее события.

На ранних аллегориях мир символов власти встроен в контекст первого этапа войны, так называемой Богемской войны, борьбы империи и мятежного Пфальца. Наглядность аллегории достигается, как правило, с помощью персонификаций, или атрибутов, или изображения характерных действий⁵⁰. В данном случае граверы изображали орла и льва, которые являлись олицетворением Империи (орел) и Пфальца (лев). Появление обоих образов связано с геральдическими символами. Некоторые авторы в текстах стремились дать пояснение, чтобы у читателя не возникало никаких сомнений, кто изображен на гравюре: «Вот здесь, любезный читатель / ты свободно можешь наблюдать за тем / что происходит с Богемской короной / которую *Фердинанд, орел* (здесь и далее курсив источника – А.Л.), уже / прибрал с свое *гнездо* / после чего *лев* / курфюрст *Фридрих* / отправился в путь / покинув свое логово».⁵¹ Другие в первых строках называли лишь аллегорических персонажей: «Все с недавних пор хорошо знают о борьбе орла со львом»⁵². В 1621 г. появилось две внешне очень похожие

⁴⁹ Schilling M. Op.cit. S. 406.

⁵⁰ Ibid. S. 408.

⁵¹ Deß Adlers und Löwen Kampf. 1621. Bayerische Staatsbibliothek München. Einbl. II,3.

⁵² Triumphierender Adler. 1621. Bayerische Staatsbibliothek München. Einbl. V,8 b-1.

листовки, посвященные данному сюжету, и интересные с точки зрения представлений немцев о власти в годы Тридцатилетней войны.

Илл.6. Des Adlers und Löwen Kampff, BSB München, Einbl. II,3, 1621

Илл.7. Triumphirender Adler Sub Umbra Alarum Mearum Florebit Regnum Bohemiae, BSB München, Einbl. V,8 b-1, 1621.

Композиционно обе гравюры созданы по одному принципу: пространство разграничивает колонна, по обе стороны от которой изображены лестницы. Одна сторона листовки отдана императору и его сторонникам, другая – пфальцкому курфюрсту. И там, и там все изображение заливают лучи солнца, а на заднем плане сцены сражения. Такие картины были понятны не только тем, кто умел читать и мог прочесть стихотворный текст под гравюрой, но в своих основных моментах были ясны

для неграмотных⁵³. Это достигалось за счет того, что, по справедливому замечанию американского историка искусства У. Дж. Т. Митчелла, понимание визуальных образов напрямую связано с социальными и культурными практиками, распространенными в обществе⁵⁴. Семантическая предопределенность визуальной коммуникации зависит от внешних факторов, таких как исторический контекст, или культурный ряд, или место и время просмотра изображения. Для понимания аллегорий иллюстрированных листовок раннего Нового времени необходимо для начала подчеркнуть их связь с библейской традицией. Большинство авторов периода Средних веков и раннего Нового времени, как справедливо указывает в своей монографии, посвященной цветам власти М. Кляйн, безусловно опирались на библейское прочтение символа⁵⁵. На представленных изображениях к библейским символам следует относить орла, льва, колонну, мечи (или в целом оружие), солнце. Орел со Средних веков понимался как символ вознесения Христа⁵⁶. Лев в библейской традиции был символом Воскресения⁵⁷. Колонна считалась знаком святой веры⁵⁸. Меч – атрибут архангела Михаила⁵⁹. Солнце подчеркивало в контексте религиозных представлений как незыблемость созданной Богом Вселенной, так могло восприниматься и как карающий атрибут, уничтожающее грешников своим жаром⁶⁰.

Под влиянием Тридцатилетней войны традиционный мир библейского содержания перечисленных символов и аллегорий получает новые грани и штрихи, к религиозным сюжетам добавляются светские, требующие профанного толкования. К таким сюжетам, например, можно отнести изображение восставших Богемии, Моравии и Силезии⁶¹. Частыми были образы Баварии, Саксонии, а также генералов и военачальников Тридцатилетней войны Спинолы, Мансфельда, Егердорфа и Бетлена Габора⁶². Однако основной упор авторы иллюстрированных листовок, не смотря на широкую популярность реалистичных или аллегорических иллюстраций военного времени, делали на новом содержательном наполнении традиционных и хорошо знакомых современникам сюжетов.

Главной фигурой, которая бросается в глаза на многих листовках, являлся, безусловно, имперский орел⁶³. Орел воспринимался как символ Империи германской нации. Он традиционно являлся олицетворением победы и силы, изображался еще на штандартах римских легионов. Именно орел подчеркивал преемственность поколений и трансформацию Римской империи древности в Священную

⁵³ Mauelshagen F. Op.cit. S. 336. Подробнее см.: Literatur und Volk im 17. Jahrhundert. Probleme populärer Kultur in Deutschland. Hrsg. von W. Brückner, P. Blickle, D. Breuer. Wiesbaden. 1982.

⁵⁴ Mitchell W. J. T. Iconology: Image, Text, Ideology. Chicago/London. 1987. P. 39.

⁵⁵ Klein M. Die Farben der Herrschaft. Imagination, Semantik und Poetologie in heldenepischen Texten des deutschen Mittelalters. Berlin, 2014. S. 33.

⁵⁶ Bidermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. Köln, 2004. S. 16.

⁵⁷ Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. С.331.

⁵⁸ Bidermann H. Op. cit. S. 337.

⁵⁹ Словарь библейских символов. Под ред. Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. М., 2005. С. 608.

⁶⁰ Отк. 16:8-9. Подробнее см. Словарь библейских символов. С. 1122.

⁶¹ Des Adlers und Löwen Kampf. Ср. с Triumphierender Adler.

⁶² Ibidem.

⁶³ Triumphierender Adler. Ср. Das H. Römisch Reich mit sampt seiner glieder wappen. BSB, Einbl. V, 91.

Римскую империю германской нации, на гербе которой был двуглавый орел. Существовала легенда, согласно которой орел долетал до солнца и обжигал себе крылья. Затем он падал в воду и возрождался вновь⁶⁴. В годы Тридцатилетней войны имперский орел предстал в окружении трех главных традиционных атрибутов власти – скипетра, державы и короны. В Европе скипетр имеет навершие круглой формы как символ всеохватной власти⁶⁵. Скипетр символизировал монарха как «пастуха *справедливости* и *законности* (курсив мой – А.Л.)». Держава – стала символом королевской или императорской власти благодаря своей круглой форме, символизирующей весь мир⁶⁶. Корона еще со времен раннего средневековья указывала на монархическую власть и подчеркивала преемственность поколений⁶⁷. Корона поднимала своего обладателя надо всеми, возвышала его, соединяя с высшими силами⁶⁸. О скипетре, державе и короне неоднократно говорится и в текстах листовок. Вознесясь высоко, орел заслуженно смог получить корону, продолжает автор, и именно скипетр обеспечивает орлу подобающее положение⁶⁹.

Поскольку именно орел коронован золотой короной, объясняет автор листовки, то, соответственно ему принадлежит вся «слава и почести»⁷⁰. Примечательно, что авторы текстов неоднократно подчеркивали, что и короны, и скипетры, и державы источают свет и сияние, сделаны из золота⁷¹. Функции золота и его важнейшая роль в цветовой гамме правителя неоднократно уже отмечались исследователями. Еще позднеантичная и средневековая традиция приписывали ему много качеств, обладание которыми ставило власть имущих на недостижимую высоту перед подданными⁷². Однако очевидный приоритет золота далеко не исчерпывался его славой самого дорого металла. Гораздо более важным качеством для граверов и публицистов раннего Нового времени было то, что золото могло давать свет, отражая его. Это было связано с библейскими представлениями о свете и сиянии, согласно которым свет появился как первая сотворенная вещь⁷³. Для эпохи Тридцатилетней войны не меньшую, а, вероятно, большую роль играл другой отрывок из Святого Писания: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их»⁷⁴. Свет рассматривался как антитеза тьмы, и тот, кто нес свет или обладал им, непременно должен был победить тьму. Поэтому короны, представленные на иллюстрированных листовках Тридцатилетней

⁶⁴ Bidermann H. Op. cit. 16-17.

⁶⁵ Ibid. S. 501.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Handbuch der politischen Ikonographie. Hrgs. von M. Warnke, U. Fleckner. München, 2011. Bd. II. S. 64

⁶⁸ Bidermann H. Op. cit. S. 254.

⁶⁹ Triumphierender Adler.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Подробнее см.: Gage J. Kulturgeschichte der Farbe. Von der Antike bis zur Gegenwart. Leipzig, 2001; Dittmann L. Farbgestaltung in der europäischen Malerei: Ein Handbuch. Stuttgart, 2010; Klein M. Op. cit.

⁷³ Быт. 1:3-4.

⁷⁴ Отк. 22:5.

войны, как правило, визуально излучают сияние⁷⁵, а иногда даже композиционно находятся там, где должно быть изображено солнце. Таким образом, обладающему короной – императору, курфюрсту, или князю – приписывались способности разогнать тьму и хаос, оградить своих подданных от войны.

Еще одним аллегорическим изображением, воспринимавшимся современниками как персонификация власти на иллюстрированных листовках времен Тридцатилетней войны был лев. Образ льва, как и орла, имеет многовековую традицию персонификации в нем представлений о власти. Еще в древности цивилизации Востока наделяли львов магическими функциями, подчеркивали их связь с солярными культами⁷⁶. В античности образ льва часто перекликался с образом орла – лев олицетворял силу, победу⁷⁷. Благодаря сверхъестественным способностям «смотреть на солнце, не мигая», а также своей природной мощи лев занял место «царя зверей», что сделало к эпохе Средних веков одним из любимых геральдических символов. Фигура льва, как правило, символизировала доблесть и власть⁷⁸. Христианская традиция наделяла льва амбивалентными качествами: он мог быть как символом Христа, так и дьявола, из-за своего двойного упоминания в Библии⁷⁹. В раннее Новое время образ льва был наделен главными качествами, приписываемыми идеальной власти. Лев считался набожным, верным и честным, справедливым, терпеливым, сильным и храбрым⁸⁰. Подобная герменевтика образа льва связана с тем, что, по мнению средневековых теологов, Христос считался высшей стадией библейского прочтения образа льва, в котором победила светлая сторона⁸¹. Эпоха Тридцатилетней войны унаследовала от предыдущих веков восприятие льва как идеала правителя, причем не только с точки зрения его властных и воинственных качеств, но, может быть даже в большей мере, с точки зрения понимания льва как своеобразного морального идеала, самого «добродетельного» властелина⁸². В аллегорическом мире Тридцатилетней войны львами называли двух действующих лиц - Фридриха V, однако не столько из-за его добродетельности, сколько из-за геральдического символа - на гербе пфальцского курфюрста изображен лев – и Густава II Адольфа, которого протестантская пропаганда идеализировала как совершенного правителя, борца за истинную веру. Назвав львом главного внутреннего противника императора, антикатолическая партия приписала ему моральное право не только на чешскую корону, но и на потенциальную корону Священной римской империи. По мнению публицистов-протестантов, Фридрих начал борьбу не только с императором, но, в первую очередь,

⁷⁵ Deß Adlers und Löwen Kamff.

⁷⁶ Bidermann H. Op. cit. S.273.

⁷⁷ Ibid. S.273.

⁷⁸ Ibid. S.275.

⁷⁹ Jäckel D. Der Herrscher als Löwe: Ursprung und Gebrauch eines politischen Symbols im Früh- und Hochmittelalter. Köln; 2005. S. 168.

⁸⁰ Magische Figuren Der triumphierenden Löwen welche gott nach seiner weisheit erhaben vnnnd gros gemacht hat so vor vil 100 iahren Prognosticirt vnnnd prophezeit. 1632. BSB, Einbl. XI, 766.

⁸¹ Jäckel D. Op. cit. S. 144.

⁸² Как олицетворение Христа, средневековая традиция наделила льва «безграничной» добродетелью. Подробнее см. Jäckel D. Op. cit. S. 144-148.

хотел избавить империю от иезуитов, которые «как дикие пчелы / летали повсюду / и ни один зверь, как бы силен он ни был / не мог защититься от них / и они хватали все, что только могло / удовлетворить их алчность / Тогда молодой лев вышел из своего логова / и бросился туда, где был улей этих пчел»⁸³. «Лев, коронованный, хочет уничтожить династическое древо (Габсбургов – А.Л.) / для того, чтобы у истинного христианства была защита / процветание и возрождение», - продолжает идею правомочности действий Фридриха другой публицист⁸⁴. Не смотря на лестные характеристики со стороны протестантских публицистов, Фридрих не слишком соответствовал образу правителя-война, мудро выбиравшего себе союзников на пути к победе. Наоборот, неудачливые действия курфюрста, «злой совет», которого он слушал, вскоре сделали его фигуру сатирической. В начале 1620-х гг. немецкие публицисты все реже использовали образ льва для аллегии Фридриха, а вскоре он вообще сошел с политической сцены. Гораздо в большей степени соответствовал образу благородного льва «герой с севера», шведский король Густав Адольф. На иллюстрированных листовках ему дали имя «Северного льва»⁸⁵. «Лев Севера» Густав Адольф изображался как победитель зла и темных сил. На одной из листовок персонифицированный лев шведского короля совершает подвиг за подвигом: он побеждает многоглавого дракона (римскую католическую церковь), тушит пожар войны, освобождает города, возвращает протестантам их церкви⁸⁶. Он воплощает в себе и лучшие моральные качества, о чем свидетельствуют четыре отдельно сидящих по бокам центрального изображения льва. Каждый из них держит атрибуты власти, а латинские надписи рядом объясняют их: истинный правитель терпелив, справедлив, религиозен и смел. Эти идеальные моральные характеристики льва имели давнюю традицию, восходившую к средневековым бестиариям, в которых качества зверей соотносились с поведением (добродетельным или порочным) человека⁸⁷. Так, В. Хармс замечает, что в раннее Новое время «звери считались возможным мерилем человеческого поведения ... Природа была учительницей человека, а качества зверей рассматривались как зеркальное отражение людских качеств, при этом с помощью такого зеркала человек мог понять не только себя, но и возможности своей морали»⁸⁸. В таком контексте Густав Адольф в образе льва представал идеальным правителем, главное в котором была не сила и военная удача, а моральное превосходство над другими. Таким образом, лев как одна из аллегорических персонификаций власти подчеркивал моральное превосходство правителя над его подданными.

В целом не только эти, но и многие другие символы, изображенные на листовках, можно трактовать в контексте представлений о власти. Такие толкования возможны благодаря тому, что многие из появлявшихся в иллюстрированной публицистике знаков и символов содержали в себе одну

⁸³ Iesuiten Bienenschwarm. DIF, Bd. S. 275.

⁸⁴ Emblematische Beschreibung. DIF, Bd. S. 177.

⁸⁵ Нап., Ettlische SchawEssen. DIF, Bd. S. 234.

⁸⁶ Magische Figuren.

⁸⁷ Jäckel D. Op. cit. S. 171.

⁸⁸ Harms W. Tiere in den Sprüchen Freidanks / L' uomo di fronte al mondo animale nell' ato medioevo. Spoleto, 1985. S. 1012.

из главных черт власти – они олицетворяли собой силу. Например, на некоторых изображениях знаковой для аллегии власти становится не только фауна, но и флора. В эпоху Тридцатилетней войны на листовках появляются изображения молодого дуба⁸⁹. В соответствии с культурным контекстом раннего Нового времени дуб ассоциировался с твердостью, силой и крепостью – то есть необходимыми чертами власти, благодаря особой прочности древесины. Эта прочность ставила его как бы выше всех остальных пород деревьев, потому что олицетворяла «бессмертие» или же, по крайней мере, упорство⁹⁰. У дуба были и более прочные корни с тематикой власти: разумеется, здесь присутствовала связь и с античной мифологией, в которой дуб был деревом Юпитера⁹¹.

Тридцатилетняя война сделала одним из излюбленных мотивов как визуальной, так и текстуальной культуры обращение к оружию. Практически ни одна иллюстрированная листовка не обходится без изображения мечей, пик, алебард. Авторы текстов также неоднократно рассуждают об оружии. Наиболее яркое и полное освещение получил образ меча. Безусловно, немаловажную роль в этом продолжала играть религиозно-библейская традиция обращения к мечам, согласно которой меч имел достаточно многогранное значение, в первую очередь, иллюстрировал войны и раздоры, но мог восприниматься и как переносное значение слова Божьего⁹². Однако воинственный потенциал, заложенный в образе меча, получил в годы Тридцатилетней войны ряд дополнительных значений. Наиболее полно они были выражены в художественном описании широко известного литератора военной эпохи Г.Ф. Гарсдерфера: «Меч – оружие и защита для человека / победа и честь для героя / стремительный, кровавый, сверкающий / угрожающий / мужественный / непревзойденный в опасности / смелый / известный / сильный»⁹³. Таким образом, из библейского «символа раздора»⁹⁴ меч превращается в символ защиты и доблести, в неотъемлемый атрибут власти. Император и его союзники расправляются с восставшим Фридрихом V с помощью «меча и мужества» так, что «Лев, раненный в ногу, тотчас останавливается»⁹⁵. Из средства защиты меч превратился в карающую руку Провидения⁹⁶, что роднит его с непреложной характеристикой власти как оплота справедливости.

Конфессиональная эпоха, безусловно, делала власть религиозным оплотом. Целый ряд символическо-аллегорических изображений понимался современниками в контексте связи между властью и религией. Однако наиболее четко это проявляется при изображении колонн. Часто колонны даже композиционно

⁸⁹ Triumphierender Adler.

⁹⁰ Bidermann H. Op. cit. S. 111.

⁹¹ Мифы народов мира. Т. 2.

⁹² Словарь библейских символов. С. 609.

⁹³ Harsdörfer G.Ph. Poetischer Trichter. Bd. 3. S.420.

⁹⁴ Ср.: 2 Цар. 12:10: «не отступит меч от дома». Речь идет о раздорах, царивших в доме Нафана на протяжении поколений.

⁹⁵ Deß Adlers und Löwen Kampf.

⁹⁶ Triumphierender Adler.

являлись главным акцентом иллюстрированных листовок⁹⁷, чтобы подчеркнуть религиозность, набожность правителя, воспринимавшуюся в качестве фундаментальной основы власти. С античности колонна символизировала триумф (например, широко известны многочисленные колонны римских императоров), а в Средние века семантика образа дополнилась апелляцией к святой вере⁹⁸. Это сделало колонну XVII в. одним из главных политических символов. Тем не менее, в эпоху Тридцатилетней войны на первый план ставился не только религиозный смысл символа. Еще со времен Карла V, на гербе которого по краям были два геркулесовых столба⁹⁹, колонна получает дополнительные семантические черты и становится символом *fortitudo* (силы, мощи)¹⁰⁰ – обязательной составляющей власти для представлений XVII в. Неоднократно на иллюстрациях встречалось сочетание колонны и императорской короны¹⁰¹. Авторы текстов иллюстрированных листовок старались объяснить смысл символично-аллегорических изображений колонн: «Я поднялся мудростью на вершину столпа, получив за это корону и скипетр», – такие слова приписывались императору в образе орла¹⁰². Таким образом, император провозглашался сосредоточением всех идеальных качеств правителя – он был мудрым, набожным, сильным, справедливым.

Рассуждая о власти в эпоху Тридцатилетней войны, немецкие публицисты, очевидцы военного хаоса, создали уникальный образ, уходящий корнями, с одной стороны, в библейское прочтение власти, но с другой стороны, образ, изменившийся под влиянием войны, основанный на конкретных политических реалиях и связях. Первые симптомы трансформации содержательного наполнения термина «власть» появились в энциклопедиях раннего Нового времени. Именно в них интеллектуалы эпохи Тридцатилетней войны подчеркивали неразрывную связь понятий «власти» и «силы». Суммируя те качества правителя, которые получили наибольшее распространение в эпоху Тридцатилетней войны, следует отметить, что сила выходит на первый план. Любой из символов и атрибутов власти в той или иной степени подчеркивает эту ее неотъемлемую характеристику.

Однако Тридцатилетняя война привнесла в содержание термина «власть» еще один новый смысл, которого до первой половины XVII в. пока не существовало. Речь идет о взаимосвязи власти и силы с проблемой безопасности – неотъемлемой составляющей политического дискурса раннего Нового времени. Под влиянием Тридцатилетней войны понимание силы власти трансформируется, о чем свидетельствуют тексты листовок. Сила необходима власти в первую очередь как средство защиты

⁹⁷ Herzliches Seufzen unnd Wehklagen / auch Christlicher Trost unnd endlich Göttliche Hülff unsers vielgeliebten Vatterlandes. HAB Wolfenbüttel, Einbl. Xb FM 189; Triumphierender Adler; Deß Adlers und Löwen Kampf.

⁹⁸ Beyer A. Säule / Handbuch der politischen Ikonographie. München, 2011. Bd. II. S. 319. Ср. с Bidermann H. Op. cit. S. 376-377.

⁹⁹ Unbekannter Künstler. Devise Karls V., 1535 / Neue zeitung von der Römischen Kay. May. [...] zug und erobringung des Königreichs Thunesse.

¹⁰⁰ Beyer A. Op. cit. S. 319.

¹⁰¹ Deß Adlers und Löwen Kampf.

¹⁰² Triumphierender Adler.

подданных. Именно власть с помощью своей силы должна создать своеобразное «поле безопасности»¹⁰³. Орел-император, наделенный характеристиками идеального правителя, даже визуально раскинул крылья, закрыв ими всех своих подданных: «Под тенью моих крыльев / Вы, мои подданные, должны жить в покое и процветании / Во имя вас я без сожаления пожертвую своей плотью, добром, мужеством и кровью. Во имя вас, чтобы сохранить вас на земле. / В этом я клянусь вам своей жизнью / В этом вы можете мне верить»¹⁰⁴. В продолжение этой мысли в тексте есть еще строки, которые ставят защиту подданных в прямые обязанности императора: «Фердинанд усердно старается / Защитить и сохранить / Вашу землю, людей, стар и млад»¹⁰⁵. Даже девиз на символической руке с мечом, пронзающей державу гласит: «Laborabo ut vertatur» - «Я буду заботиться».

Характерно, что заключенный в Мюнстере и Оснабрюке мир 1648 г. был воспринят современниками как торжество безопасности. В форме притчи писал о безопасности Гарсдерфер, радуясь завершению войны: «Безопасность / верную служанку Мира и Справедливости / стало можно увидеть и услышать в городах и деревнях рядом с ее названными господами. Многие долго вздыхали по этой чаровнице, могли обрести ее только перед самым концом»¹⁰⁶. Безопасность была приведена в немецкие княжества с помощью Справедливости – одной из главных моральных категорий, необходимых для государя.

Настойчивое обращение автора листовки к мотиву защиты и безопасности является результатом пережитой в период Тридцатилетней войны коллективной психологической травмы¹⁰⁷. Переживавшим катастрофу войны современникам казалось, что «мир перевернут»: «он (мир – А.Л.) чувствует себя как объевшийся крестьянин, который начал забираться в седло, но тут вдруг летит кувырком»¹⁰⁸. Вот в таком «перевернутом мире» стремление к безопасности, которую может обеспечивать сильная власть, превалировали и получили широкое отражение в текстах и гравюрах иллюстрированных листовок.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1989.
2. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996.
3. Beyerlinck L. *Magnum Theatrum Vitae Humanae: Hoc Est, Rerum Divinarum, Humanarumque Syntagma Catholicum, Philosophicum, Historicum, Et Dogmaticum: Ad normam Polyanthae universalis dispositum [...]* - Lugduni : Sumptibus Ioh. Ant. Huguetan, & Marci Ant. Ravaud, 1656.

¹⁰³ Kampmann Ch. Op. cit. S. 15.

¹⁰⁴ Triumphierender Adler.

¹⁰⁵ Triumphierender Adler.

¹⁰⁶ Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jotham. S.335

¹⁰⁷ См.: Imhof A.E.. Die verlorenen Welten. Alltagsvewältigung durch unsere Vorfahren – und weshalb wir uns heute so schwer damit tun. München, 1984; Roesch B. Der Dreissigjährige Krieg und die Menschen im Reich. Überlegungen zu den Formen psychischer Krisenbewältigungen in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. / Krieg und Frieden. Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit. Hg. von B. Kroener und R. Pröve. Padebiorn u.a. 1996.

¹⁰⁸ Virga vigilans, Daß ist Ein Einfältiger doch christlicher Discurs, von jetzigem, am Himmel stehenden Cometen: darinn schriftlich und trewhertzig angezeigt, wofür Teutschland bey jetziger vor Augen schwebender Unruh selbigen ansehen und achten soll ... / von Jacobo Herrenschildt. Ulm, 1619. HAB, A: 202.79 Quod. (2). S. 12.

4. Der betregnten Christenheit CONSOLATION: Vnd ... REPARATION / DIF, Bd. IV. S. 259.
5. Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hrgs. von H. Jessen. Berlin, 1984.
6. Deß Adlers und Löwen Kampf, BSB München, Einbl. II,3, 1621
7. Deutsche illustrierte Flugblätter XVI.-XVII. Jahrhunderts. Hrgs. von W. Harms. Bd. 1-4. München, Tübingen. 1980-1985.
8. Faber B. Thesaurus Eruditionis Scholasticae. Lipsia, 1654.
9. Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Hrgs. von K. Garber und J. Held. Bd. 1-2. München, 2001.
10. Handbuch der politischen Ikonographie. Bd. 1-2. München, 2011.
11. Imhof A.E. Die verlorenen Welten. Alltagsvewältigung durch unsere Vorfahren – und weshalb wir uns heute so schwer damit tun. München, 1984.
12. Jäckel D. Der Herrscher als Löwe: Ursprung und Gebrauch eines politischen Symbols im Früh- und Hochmittelalter. Köln, 2005.
13. Klein M. Die Farben der Herrschaft. Imagination, Semantik und Poetologie in heldenepischen Texten des deutschen Mittelalters. Berlin, 2014.
14. Mauelshagen F. Was ist glaubwürdig? / Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit (1450-1700). Hrgs. von W. Harms, A. Messerli. Basel, 2002.
15. Mitchell W. J. T. Iconology: Image, Text, Ideology. Chikago/London. 1987.
16. Parallela / Deß grossen vnnnd kleinen Brills. 1621-1622. / DIF, Bd. IV. S. 157.
17. Pfeffer M. Flugschriften zum Dreißigjährigen Krieg: Aus der Häberlin-Sammlung der Thurn- und Taxisschen Bibliothek. Frankfurt am Main, 1993.
18. Sicherheit in der Frühen Neuzeit. Hrgs. von Ch. Kampmann und U. Niggemann. München. 2013.
19. Triumphierender Adler Sub Umbra Alarum Mearum Florebit Regnum Bohemiae, BSB München, Einbl. V,8 b-1, 1621.
20. Vrsachen vnd Vrsprung alles Jammers und Elenchts. 1622-1623 / DIF, Bd. IV. S. 185.

BIBLIOGRAPHY

1. Bart R. Isbrannye raboty: semiotika, poetika. Moskva, 1989.
2. Holl J. Slovar syuzhetov i simvolov v iskusstve. Moskva, 1996.
3. Beyerlinck L. Magnum Theatrum Vitae Humanae: Hoc Est, Rerum Divinarum, Humanarumqve Syntagma Catholicum, Philosophicum, Historicum, Et Dogmaticum: Ad normam Polyantheae universalis dispositum [...] - Lugduni : Sumptibus Ioh. Ant. Huguetan, & Marci Ant. Ravaud, 1656.
4. Der betregnten Christenheit CONSOLATION: Vnd ... REPARATION / DIF, Bd. IV. S. 259.
5. Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hrgs. von H. Jessen. Berlin, 1984.
6. Deß Adlers und Löwen Kampf, BSB München, Einbl. II,3, 1621
7. Deutsche illustrierte Flugblätter XVI.-XVII. Jahrhunderts. Hrgs. von W. Harms. Bd. 1-4. München, Tübingen. 1980-1985.
8. Faber B. Thesaurus Eruditionis Scholasticae. Lipsia, 1654.
9. Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Hrgs. von K. Garber und J. Held. Bd. 1-2. München, 2001.
10. Handbuch der politischen Ikonographie. Bd. 1-2. München, 2011.
11. Imhof A.E. Die verlorenen Welten. Alltagsvewältigung durch unsere Vorfahren – und weshalb wir uns heute so schwer damit tun. München, 1984.
12. Jäckel D. Der Herrscher als Löwe: Ursprung und Gebrauch eines politischen Symbols im Früh- und Hochmittelalter. Köln, 2005.

13. Klein M. Die Farben der Herrschaft. Imagination, Semantik und Poetologie in heldenepischen Texten des deutschen Mittelalters. Berlin, 2014.
14. Mauelshagen F. Was ist glaubwürdig? /Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit (1450-1700). Hrgs. von W. Harms, A. Messerli. Basel, 2002.
15. Mitchell W. J. T. Iconology: Image, Text, Ideology. Chikago/London. 1987.
16. Parallela / Deß grossen vnnd kleinen Brills. 1621-1622. / DIF, Bd. IV. S. 157.
17. Pfeffer M. Flugschriften zum Dreißigjährigen Krieg: Aus der Häberlin-Sammlung der Thurn- und Taxisschen Bibliothek. Frankfurt am Main, 1993.
18. Sicherheit in der Frühen Neuzeit. Hrgs. von Ch. Kampmann und U. Niggemann. München. 2013.
19. Triumphierender Adler Sub Umbra Alarum Mearum Florebit Regnum Bohemiae, BSB München, Einbl. V,8 b-1, 1621.
20. Vrsachen vnd Vrsprung alles Jammers und Elendts. 1622-1623 / DIF, Bd. IV. S. 185.